

гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.] ; навук. рэд., уклад. В. М. Ляўко. – Мінск : Беларус. Навука, 2012.

7. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.). / Навук. Рэд. У. І. Навіцкі. – Мн. : ВП «Экаперспектыва», 1998. – С. 163.

**ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ
(ПОВСЕДНЕВНОМ) ПРОСТРАНСТВЕ
БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
МЕЖВОЕННОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ (1921–1939)**

*О. Е. Зубко
(Винница, Украина)*

Межвоенная белорусская политическая эмиграция в ЧСР – явление сложное, глобальное, многогранное; к тому же до конца не изученное. Явление, которое и в «золотых 1920-х», и в «неспокойных 1930-х» базировалось на сумме определенного количества аспектов: от культурно-политических до экономическо-религиозных. Того всего, что умещалось в понятии «эмиграционная повседневность» – жизненном мире, в котором разворачивалась и проходила социальная жизнь белорусского изгнанника. Поэтому, в условиях непростых вынужденных исторических реалий «православные пражские белорусы» очень придирчиво и скрупулезно воспринимали какую-либо информацию. Книжки, журналы, экскурсии, радио, кино, театр и даже элементарное общение друг с другом за чашечкой чая (привычный для нас растворимый кофе Nescafe появился в ЧСР только в 1938 г., тогда как молотый был слишком дорогим) – большинство этих составляющих информационного (повседневного) пространства 1921-х – 1939-х – существенно влияли на эмиграционный жизненный цикл.

Отдельным внушительным компонентом эмиграционного (повседневного пространства) выступала и Православная Церковь. Этот

компонент, заметим в русско-украинских форматах и формах, нес в себе преимущественно адаптационное содержание. Как вспоминали сами изгнанники: «...Множество из наших вернулись в Церковь... Вернулись туда, как в приют, в котором спасаются от чужого мира и в котором не так страшны жизненные трудности. Многие вернулись в Церковь от подсознательного чувства вины за все то, что случилось. А еще многие искали в Церкви душевный покой...» [1, л. 64]. Мы еще раз обращаем внимание на русско-украинские форматы и формы существования и деятельности православной Церкви в ЧСР. Почему? Дело в том, что еще с началом 1920-х «белорусские пражские православные» были представлены двумя группами верующих. (Точное количество последних, к сожалению, неизвестно. У белорусского исследователя В. Ляховского находим цифры 300 (600) человек (включительно с католиками, греко католиками, протестантами, атеистами) [2, с. 402]. Хотя в самой межвоенной Чехословакии на то время оформилось три группы православных верующих [3, с. 294–299]. Первая (не включавшая в себя белорусов) принадлежала к юрисдикции Сербской Православной Церкви во главе с архиепископом Чешским и Мораво Силезским Гораздом (Павликом, 1879–1942). Ему подчинялись главным образом этнические чехи, вышедшие из рядов Римо-Католической Церкви после распада Австро-Венгерской империи. Вторая группа верующих признавала над собой каноническую власть Константинопольского патриархата. Во главе этой группы стоял архиепископ Пражский и всея Чехословакии Савватий (Врабец, 1880–1959). Костяк пражской общины, которой он руководил, составляли чехи, принявшие православие еще до распада Австро-Венгерской империи. Ему же подчинялись частично греко католические общины Закарпатья. К Константинопольскому патриархату примкнули и украинские эмигранты, известные как «автокефалисты» – Высший Церковный Совет Украинской Православной Церкви во главе с украинским политиком и юристом Сергеем Ше-

лухиным (1864–1938). (Интересным является тот факт, что епископ Горазд не единожды предлагал епископу Савватию объединиться, оставаясь при этом равноправными патриархами, но Савватий решительно отбрасывал такие предложения). Именно украинские «собратья по исходу» и обратили часть белорусов в верующих Савватия. В первую очередь речь идет о белорусских студентах Украинской Сельскохозяйственной Академии в Подебрадах (1922–1945). «бээнеровцах» (около 43 человек) [4, л. 30–31 об.]. Третья группа православных верующих в межвоенной Чехословакии – это русские эмигранты, начавшие активно пребывать в страну с осени 1920 г. Русский приход оформился в Праге в 1921 г. С 1922 г. им руководил епископ Сергей (Королев, 1881–1952). С момента своего создания приход подчинялся митрополиту Евлогию (Георгиевскому, 1868–1946) – управляющему русскими православными приходами Московской патриархии в Западной Европе. В этой группе верующих оказались так называемые «космополиты» – те белорусы, которые ранее учились в университетах Российской империи. Имеются данные, что прихожанкой русского православного прихода являлась известная «бээнеровка», талантливая поэтесса Лариса Антоновна Гениюш (1910–1983). Его духовником называют архимандрита Исаакия (Виноградова, 1895–1981), бывшего белогвардейца, к которому она приходила на исповедь в Свято Николаевский Собор Праги. «Этот факт» подкреплён информацией о том, что проживая в 1956–1983 гг. в городе Зельве Гродненской области, Лариса Антоновна являлась прихожанкой местной Свято-Троицкой Церкви (Московского патриархата). А в самом городе Гродно нынче в Борисоглебском Храме (Коложская церковь) (Московского патриархата) имеется «Православная библиотека им. Л. А. Гениюш» [5].

Адаптационная помощь Православной Церкви в информационном (повседневном) пространстве «пражских белорусов» проявлялась в нескольких вариантах. Первым и самым слабым был тот,

который свидетельствовал об отсутствии собственных Церкви и Храмов не только у белорусов, но и украинцев и россиян. И Русский православный приход в Праге и Украинская Автокефальная Православная Церковь в ЧСР использовали в своих нуждах или пражский Свято-Николаевский Собор, или иные подручные и доступные помещения (например, студенческие аудитории УСА в Подебрадах). Пражский Свято-Николаевский Собор еще с 1868 г. арендовала Русская Православная Церковь на более чем 40 лет. В конце XIX века Собору Святого Николая императором Александром II была подарена большая хрустальная люстра, напоминающая корону Российской империи. К слову, эта люстра и сегодня украшает один из залов Храма. В 1916 г., по настоянию австрийских властей, договор аренды был расторгнут, а православному Собору вернули статус католического. Настоятеля Храма арестовали, колокола конфисковали, а церковное имущество сложили в подсобных помещениях. С 1920 г. Собор Святого Николая стал гуситской церковью. Он приобрел обновленный вид в стиле необарокко. В частности, его украсили картинами и статуями, а в нише установили скульптуру Святого Николая в натуральную величину.

«... Травень 1938 р. Тепер на святу Пасху в Свято-Миколаївському Соборі служилась Служба Божа українською мовою у Великий Четвер. А Страсну П'ятницю був виніс Плащаниці. Співав українських хор. Співав чудово під орудою нашої визначної диригенти П. Щуровської...» [6, л. 9 об.].

«....Жовтень 1924 р. Архієпископ Савватій відгукнувся на прохання створеного на базі Української Господарської академії Православного Братства Святих Кирила і Мефодія та провів Літургію в одній із аудиторій Академії у свято Покрови Пресвятої Богородиці. Віддячили архієпископу 250-ма чехословацькими кронами...» [7, л. 9 об.].

К сведению: официальный курс чехословацкой кроны к американскому доллару в 1923–1933 гг. равнялся 100:2,96 или 100:3. Та-

ким образом, архиепископ Савватий получил в благодарность около 8 долларов. Это с учетом того, что месячный эмигрантский прожиточный минимум предполагал около 1000–1200 крон в 1921–1928 гг. («Ruská pomosná akce») и 300–500 крон в 1929–1930-х (всемирный экономический кризис 1929–1932 г., в ЧСР с 1932 г по 1935 г.) [8, с. 85–86].

Во-вторых, адаптационная помощь Православной Церкви проявлялась в разъяснении прихожанам вопроса тождества понятий «повседневность – вера – Церковь». Повседневность была и оставалась для белорусских эмигрантов бременем и крестом. Из серой, скучной, необходимой она не могла внезапно превратиться в празднично-радостную. И поэтому, священникам в проповедях приходилось объяснять, что сознательное принятие собственных ежедневных обязанностей может помочь заметить, что во всем этом присутствует Всевышний и Его благодать – ежедневная, обыкновенная, мелкая, но благодать. Ведь благодать Всевышнего снисходит не только в таинствах, не только в минуты больших душевных подъемов, но и в повседневность. Посему, благодать повседневности – это не «дешевая» благодать, которая серая или чем-то хуже, просто это та благодать, которую труднее заметить.

В-третьих, необходимость наличия Православной Церкви в эмиграционном белорусском информационном (повседневном) пространстве объяснялась и водружением (в разумных, заметим, пределах) Церковью на себя функций психологов и психотерапевтов. Что имеется в виду? Уверенность в том, что человек по своей природе трехсоставное существо является догматом христианской веры. «Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целостности да сохранится без порока в пришествии господина нашего Иисуса Христа» (1 Фес. 5:23) – пишет апостол Павел. Таким образом, человек состоит из духа, души и тела. Дух – это сфера Божественного начала в человеке, это тот орган, с помощью которого

человек общается со своим Творцом в молитве и вне молитвы, различает добро от зла, правду от лжи. Собственно, наличие духа делает людей богоподобными и принципиально отличает от других творений Божиих. Тогда как под «душой» понимают всю человеческую психическую деятельность: умственные, чувственные и волевые качества человека. Следовательно, священники и психологи с психотерапевтами «работают» с различными гранями человеческого бытия. Хотя человек, его хорошее самочувствие и здоровье – это сфера деятельности и цель, как психолога с психотерапевтом, так и духовника. В этом они солидарны. Иное дело, что у них разная база и методология. В нашем же случае, душпастьерам в эмиграции приходилось довольно часто совмещать указанные выше различные базы и методологии. При этом, включая адекватность, здравый смысл и понимание рамок собственных возможностей. Ведь, акцентируем внимание, в методах практической психологии и психотерапии Православная Церковь подчеркивала значение и уникальность именно христианского, евангельского взгляда на человека.

Так, в среде белорусских православных и Праги, и Подебрад в 1925–1935 гг. распространенной формой девиации выступало пьянство. Частично оно объяснялось крушением «эмиграционной концепции быстрого возвращения и ликвидацией БНР», частично – «сменой вех» или возвращением, а еще частично – окончательным закрытием чехословацкого рынка труда для всех без исключения эмигрантов в ЧСР (украинцев, русских, грузин, армян, кубанцев и других), и в тоже время слухами о ликвидации безработицы в 1933 г. по всему Советскому Союзу, то есть самой обыкновенной бытовой (финансовой) необустроенностью.

Так, пьянка, а затем и драка между православными украинскими и белорусскими студентами УСА (в частности, Иосифом Мамонькой (1889–1937) и Сергеем Буслем (1901 – после 1940)) в июле 1923 г. в подебрадском ресторане «Централь» «поспособствовала» их исклю-

чению из состава студентов Академии [9, с. 32–324]. А так как Православное Братство имени Святых Кирилла и Мефодия было создано только в 1924 г., отец Григорий Мельник (1883 – после 1939) не мог воспрепятствовать такому развитию событий. А вот уже в дальнейшем, для преодоления девиантного поведения и поднятия морального духа, он не только наставлял своих подопечных «молиться, поститься и читать Библию», но и в качестве терапии «переквалифицировал» их в водителей различных категорий или защитников животных. К слову, одно из подаренных им животных даже «по-своему» прославило душпаствыря Мельника. По воспоминаниям белорусского студента УСА, мозырчанина Антона Белинского (1897 – после 1945), бывшего хорунжего 4-й Киевской дивизии Армии УНР, заболевшего кота отцу Григорию пришлось оперировать известной уже в ЧСР с 1922 г. опасной бритвой «Gillete Saffetti». Коту удалили гнойный нарыв, применив для анестезии хорошую порцию водки: «Кот выздоровел, но, увы, превратился в полного идиота. Никто не знал, что этому поспособствовало: болезнь, операция, водка-наркоз или врожденная кошачья предрасположенность. Создавалось впечатление, что кот с каждым днем глупел и глупел. Он не только не научился ловить мышей, но и невероятно их боялся. Хозяин кота, в конце концов, не выдержал такого положения вещей и пришел к отцу Григорию с жалобой и просьбой помочь разобраться с негодяем. В итоге, решено было наглядно продемонстрировать негодному существу, что мышь – это вполне безопасно и, ко всему прочему, вкусно. Мышь была поймана и привязана. Кошачий обормот был загнан в угол. А в итоге... Сидя на задних лапах в углу, хвостатое Божье творение испуганно следило за тем, как раскачивалась перед его глазами какая-то зверюга. Кульминационным моментом стало мышиное фуэте: изогнувшись, мышь потянулась к коту и укусила его за нос! Остолбенели все, когда как кот с ревом вырвался из угла, проскользнул мимо человеческих ног, и удрал на улицу...» (перевод с чешского – автора. – О. 3.) [10, л. 7–9].

В-четвертых, огромная помощь Православной Церкви в адаптации белорусских изгнанников осуществлялась и путем светско-церковного симбиоза. Этот симбиоз воплощался в форме получения светского образования не только простыми прихожанами, но и диаконами, протодиаконами, архидиаконами, иереями, протоиереями и даже протопресвитерами, (то есть «белым духовенством», которое не доучилось в богословских академиях или которое было лишено приходов). Следует учесть, что в среде «белорусской пражской эмиграции», исходя из исторических реалий, сложился так называемый «негласный рейтинг профессий». В этом рейтинге «золото» прочно удерживали музыканты, инженеры, химики, экономисты, землемеры, агрономы, специалисты лесного хозяйства и ветеринары. «Серебро» доставалось педагогам, библиотекарям и культурологам (театраловодам и кинокритикам). «Бронза» закреплялась за медиками, а вот юристы стояли на четвертой ступеньке. Понятно, что представители «белого духовенства» предпочитали в первую очередь музыкальное образование. В частности, музыкально-педагогический факультет Украинского высшего педагогического института им. М. Драгоманова в Праге (1923–1933). Ибо во многих городах Чехословацкой Республики функционировало множество «restaurace» и «hospod», которые нуждались в музыкальном сопровождении.

Что интересно: в среде, собственно, белорусской пражской эмиграции церковный вопрос поднимал только Томаш Грыб (1895–1938). Он писал в частности: «Ніхто ня стяне цьвярдзіць, што праваслаўная царква і каталіцкі касьцел на Беларусі праводзяць беларускую нацыянальную палітыку. Кожнаму ясна і зразумела: праваслаўная царква праводзіць рускую нацыянальную палітыку на Беларусі... Праваслаўная царква і каталіцкі касьцел на Беларусі зьяўляючыся палітычнымі экспазытурамі Польшчы і Расеі, ня могуць карыстацца пашанаю з боку беларускага народу... Кожны сьвядомы беларус, кожны узапраўдны беларускі незалежнік ня можа іначай адносіцца да

праваслаўнага папа ці-што да каталіцкага ксяндза, як колькі з пэўнай засьцярогаю...

Вядома, гэта ямчэ не азначае таго, што беларускі народ ужо гэтым самым ніби-то выступае проці рэлігіі. Індэфэрэнтызм або нават варожасць беларускага народу ў адношаньні да праваслаўнай царквы і да каталікага касьцелу на Беларусі, - гэта яшчэ не азначае ні рэлігійнага індэфэрэнтызму ў народзе, ні яго бязбожніцтва. Мусімо адрозніваць рэлігію ад конфэсіі. Рэлігія есць нешта больш глыбокае і шырокае, чымся конфэсія. Гэта можна пацьвердзіць кожны, хто ўзапраўды мае рэлігійную сьвядомасць. Рэлігія – гэта вера ў бога, а конфэсія – гэта арганізацыя культуры... » [11, с. 148–149].

Таким образом, Православная Церковь в русско-украинских форматах и формах в ЧСР в 1921–1939-х гг. вполне осознавала свою роль и свое место в информационном (повседневном) пространстве «пражских белорусов». Она умела видеть проблемы белорусских изгнанников и поэтому старалась находить адекватные ответы на различные жизненные вызовы.

Источники и литература

1. Центральний державний архів громадських об'єднань України (ЦДАГО України, м. Київ). Ф. 269. Оп. 1. Спр. 505. (85 арк.).

2. Ляхоўскі, У. В. Ад гоманаўцаў да гайсакоў. Чыннасць беларускіх маладзёых арганізацый у 2-й палове XIX – I-й палове XX ст (да 1939 г.): манаграфія / У. В. Ляхоўскі. – Смоленск: Инбелкульт, 2015. – 480 с.

3. Бурега, В. Церковная жизнь украинской эмиграции в Чехии в 1920–1930-е гг. / В. Бурега // XIX Ежегодная богословская конференция. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2009. – Т. 1.

4. ЦДАГО України (м. Київ). – Фонд 269. – Оп. 1. – Спр. 874.

5. 7 красавіка – дзень спачыну беларускай паэткі Ларысы Антонаўны Геніюш. URL: <http://kalozha.by/be/homebe/36-tsarko>

na-prykhadski-kompleks/bibliyateka/964-7-krasavika-dzen-spachynu-belaruskaj-paetki-larysy-antona-ny-geniyush (Доступно: 09.04.2020).

6. ЦДАГО України (м. Київ). – Фонд 269. – Оп. 1. – Спр. 506.

7. ЦДАГО України (м. Київ). – Фонд 269. – Оп. 1. – Спр. 510.

8. Зубко О. Є. Створення та діяльність Українського вищого педагогічного інституту ім. М. Драгоманова в Празі (1923–1933 рр.): дис.... канд. іст. наук. – 09.00.12 «Українознавство» / Ольга Євгенівна Зубко. – К.: КНУ ім. Тараса Шевченка. (224 с.)

9. Зубко, О. Конфлікт у подебрадському ресторані «Централь» / О. Зубко // Коваль Р. «Подебрадський полк» Армії УНР: До історії Українських січових стрільців, Богданівського та Гордієнківського полків військ Центральної Ради, 1-ї Сірої, 1-ї Синьої, 1-ї Запорозької, 2-ї Волинської, 3-ї Залізної, 4-ї Київської, 5-ї Херсонської та 1-ї Кулеметної дивізій армії УНР; Галицької армії, Вільного козацтва, Повстансько-партизанського руху, Запорозької січі Юхима Божка, окремого Чорноморського коша військ Директорії, Легії українських націоналістів. УВО, ОУН та дивізії «Галичина». Т. 2. / Бібліотека Історичного клубу «Холодний Яр» / Р. М. Коваль, В. І. Моренець, Ю. П. Юзич. – Київ : Історичний клуб «Холодний Яр»; «Орієнтир», 2015. – 376 с.

10. Центральний державний архів вищих органів влади та управління України в м. Києві. – Фонд 3795. – Оп. 1. – Спр. 1527.

11. Грыб, Т. Выбранае: [Тэкст] / Тамаш Грыб; уклад., уступ. слова Наталлі Гардзіенкі, Лявона Юрэвіча; камент. Андрэя Бучы, Наталлі Гардзіенкі, Лявона Юрэвіча; бібліяграфія Андрэя Бучы. – Мінск: Кнігазбор, 2017. – 476 с., [8] с. іл.